

Пйшчкa- невеличкa

12+

ЯНА БАШМАКОВА

Яна Башмакова
Птичка-невеличка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67235591
SelfPub; 2022*

Аннотация

В сборник "Птичка – невеличка" вошли небольшие рассказы и стихотворения начинающей писательницы. Юмористическая проза и подростковая психология уживаются на страницах сборника.

Яна Башмакова

Птичка-невеличка

Танюша

В классе мы все были «как под копирку». Нас трудно было различить: мешковатая одежда, синяки под глазами и прыщи. Одну Танюшу, одну на тридцать три человека (про таких ещё говорят «одна на миллион») отличали ярко-синие волосы. Я даже немного ей завидовала. Хотела подружиться. Танюша почти никогда не ходила гулять вместе с одноклассниками, хотя, наверное, её просто не звали. На переменах она читала книги, на уроках, уткнувшись в тетрадь, писала конспекты. Учителя всегда ставили её в плохой пример, занижали оценки и даже вызывали к директору.

Как же хотелось подружиться с Танюшей... Нам обеим было по пути домой: через частные дома, речку и железнодорожные пути. Но я боялась сказать «привет» и постоянно плелась сзади.

Однажды после уроков я услышала, как учитель ругал Танюшу.

– Таня, перекрась волосы! Тебе сложно быть нормальной? Быть такой же, как и все? Сколько это ещё будет продолжаться?! У всех девочек должны быть волосы натурального цвета.

Танюша тихо ответила:

– Для меня это натуральный цвет.

В тот же день, собрав всё мужество, я решила пообщаться с одноклассницей. Как обычно я шла позади, думаю, она не замечала меня. Мы незаметно прошли частные дома, приблизились к речке. Неожиданно Танюша свернула к ветхим ступенькам, ведущим прямо к воде. Она спускалась всё ниже и ниже. Я замерла, прижав голову к дереву. Всё выглядело так естественно. Я даже не подумала её спасти.

Танюша шла, шла, шла, пока ярко-синие волосы не слились с водой.

Цвет идеально подошёл.

Север моей юности

«Ребенок больше всего нуждается в вашей любви как раз тогда, когда он меньше всего ее заслуживает».

Эрма Бомбек

Девушка «обняла» спиной стенку шкафа. В руке она держала лезвие от канцелярского ножа, которым судорожно, неловкими и неаккуратными движениями скребла по эпидермису кожи. По всему ковру были раскиданы разноцветные таблетки, чем-то напоминавшие детские конфеты Skittles. Она перебирала одну за другой. Царапины на коже медленно перерастали в одну рану, фиолетово-синие вены морщились, тускнели, седели на глазах, как цветы, доживавшие последние дни цветения. Она бормотала что-то невнятное под нос: " Это все север. Север моей юности".

Туалет

Я очнулась в туалете, в какой-то вязкой персиковой жидкости. Кое-где лежали непереваренные остатки сегодняшнего обеда. Грибы из супа цельными кусочками плавали в недобульоне. Белая блузка превратилась в оранжевую "лодочку", пятна затронули часть новой юбки.

Я попыталась встать, но мерзкий запах, бродивший по всей кабинке, и скользкий пол сказали мне суровое: "НЕТ". Протянув руку, норовила нащупать туалетную бумагу. Опять кто-то всю вытащил!... Четвертый урок начался примерно пятнадцать минут назад. Никто не зайдёт в школьный санузел еще полчаса. Потолок уборной был выложен дешевой плиткой, которая частично потрескалась, со стен свисали блеклые обои, а около раковины "повесился" паук, форточка еле открывалась, и вид выходил на свалку. Я прижала колени к груди и вспоминала слова детской песенки: «Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко».

Помоги мне

Струя горячего душа накрыла тело. Как удав, вода скользила по спине, медленно щекотала лопатки, обнимала живот и ласково целовала колени. С волос смывались крошки хлеба и забивали сливное отверстие. Я медленно прошлась губкой по коже, шершавой и схожей по цвету со стенками ванной, такими же белыми, невзрачными и опустошенными. Мысли летали где-то далеко. В голову лез сегодняшний слу-

чай в туалете, недавняя ссора с родителями (хотя, в последнее время раздор частый гость в нашем доме), тарелка грибного супа с ломтиками белого хлеба, стакан киселя, а на десерт – булочка с корицей, которые я жадно проглотила за большую перемену. Я увеличила давление в кране и после трех минут всё помещение обволокло густой пар: на стенах, зеркале оседал пар, в воздухе стояло море.

– Саша, ужин готов! – безысходно провыла мама.

Я указательным пальцем провела по плитке, вырисовывая слово "SOS".

На столе лежал стакан кефира и пачка овсяного печенья.

– Кушай, пожалуйста!

Замерев, я сидела на стуле, уткнувшись глазами в цветную скатерть, считала цветочки.

– Ешь.

С каждым разом голос становился тверже и увереннее, чувствовалось, как Молох просыпался. «Двадцать четыре тюльпана». Я не поднимала голову, но взгляд, который сверлил мой мозг, мысленно скидывал кожу, затем яркими движениями пилил черепную коробку и наконец доходил до извилин, где сновали черви. Комками, оперевшись друг в друга, они кусали каждый нерв, их чавканье отголосками долетало до среднего уха. Тысячи безногих поедали мой рассудок.

– Быстро ешь.

«Тридцать один тюльпан». Посмотрела на пальцы – все ногти обгрызены, кожа кое-где искусана, а на пластины

ногтей прилепилась засохшая кровь. Кисти рук все в порезах.

«Немедленно жри!» – мама пихнула стакан прямо под нос, как последней свинье корыто.

«Тридцать пять тюльпанов».

Весь кефир оказался на моей голове. С волос стекала вязкая молочная жидкость, саму чашку женщина швырнула на пол.

«Сорок один тюльпан», – я досчитала до конца и впервые посмотрела на маму. Капилляр на ее левом глазу лопнул, и склера наполнилась кровью. Синяки под глазами выдвали не первую бессонную ночь, морщинки стали четче, родинки наоборот сгладились. По виду, ей дашь не меньше пятидесяти, хотя паспорт не даст соврать. Она смотрела на дочь отчужденно, устало и безысходно, по щеке пробежала слеза, взгляд говорил: «Ты убиваешь меня».

Продолжение следует...

Янелузер

Каждый день я ем арбузную жвачку и приклеиваю ее к дверям школьного туалета, а на полуразбитой плитке выписываю ручкой: «Географичка – дура».

Я – не лузер!

В моем шкафу одежда пост-гранжа вперемешку с софтом, нечто вроде дачного стиля и неглянцевые 90-е, весь плейлист набит песнями «нулевых», и вместо MP-3 плеера – кас-

сета с проигрывателем.

Я – не лузер!

Состою в музыкальной группе «Ashes our days», отращаю длинные волосы, а на переменах я играю на виртуальной гитаре.

Я – не лузер!

На День рождения я никого не жду. Крыша десятиэтажного здания открывает вид на заброшенный хлебозавод. Поднявшись по прогнившей лестнице, сяду на парапет и задую свечку с мыслью: «Хочу не быть лузером!..»

Бал

– Мадемуазель Дювонт, не откажите мне в удовольствии танцевать с Вами вальс? – кавалер изящно поклонился даме и подал правую руку.

– Хорошо, – девушка положила свою ладонь, облаченную в белоснежную, как первый декабрьский снег, перчатку на ладонь спутника. После непродолжительного ангажемента пара поспешно переместилась в противоположную часть зала. В панорамных окнах, выходящих в окружающий дворец парк, мелькают высаженные в ряд померанцевые деревья, искусственные пруды и мраморные фонтаны. В глазах молодой баронессы, словно в капельках родниковой воды, отражается всё великолепие ассамблеи. Сотни гостей задорно выплясывают гавот. Девицы в лиловых, бирюзовых, серебристых и малиновых платьях, украшенных драгоценными камнями

и редкостными цветами, с шелковыми веерами, ритмично пляшут. Их партнёры во фраках либо в строгих костюмах, на которые прикреплены яркие бутоньерки. Беспечная улыбка красуется на лицах танцоров, сердце ушло в пятки, а глаза сияют от мимолетной влюблённости.

Музыка стала утихать. Перерыв закончился. Оркестр приготовился исполнять новую мелодию. Маркиз учтиво поклонился партнёрше. Мгновение – и десятки пар принялись грациозно вальсировать в самом романтическом танце. Он держит свою руку на талии её декольтированного персикового наряда, она – на его плече. В головах обоих звучит: "Раз-два-три. Раз-два-три". Госпожа Дювонт парящими движениями кружит по залу, не отводя взгляда от ухажёра. Отражения в настенных зеркалах непрерывно меняются: на смену одним силуэтам приходят другие. Сейчас наша пара "порхает" под золотой люстрой, выполненной в древнегреческом стиле, через секунду – у хрустального камина и у портретов обитателей дворца.

– Бал прекрасен, не так ли, месье? – спросила партнёрша. Ответ не последовал.

– Вы так не думаете? Месье? Вы меня слушаете, месье?

Музыка начала искажаться, и через минуту обстановка вокруг существенно изменилась. Элегантное платье девушки превратилось в неглиже, изысканный бальный зал – в спальню, а галантный кавалер – в пуховую подушку. Сама Дювонт оказалась мечтательной четырнадцатилетней Со-

фьей, а источником её вдохновения стала книга, аккуратно лежащая на кровати.

Побег

– Спасайся, кто может! – кричал кефир, – хватайте детей и бегите!

Белокочанная капуста положила за пазуху помидоры черри и, следуя за пятнадцатипроцентной сметаной, побежала к дверцам. В это же время с самой верхней полки катапультировался говяжий паштет. Взяв целлофановый пакет у докторской колбасы, и преобразив его в парашют, он уже приземлялся к соусам. А у них, к сожалению, всё шло не как по маслу. Хотя, маслу сейчас тоже не позавидуешь. Майонез сильно поругался с кетчупом, и дело дошло почти до драки.

– Я вкуснее! – утверждал кетчуп.

– Нет, я! Меня чаще используют!

– Это потому, что наши хозяева уже три дня одни пельмени едят, а к ним томатный соус не подходит!

– В любом случае, – тут майонез перебила горчица, – перестаньте ссориться, ещё немного – и оба испортитесь. Лучше помогайте ловить.

С навесной полки прыгали куриные яйца.

– Смотрите не разбейтесь! – указывала мама-яйцо детям.

– Первый...второй..., – проговаривала мама, – восьмой...девятый.... Все целы, ну и хорошо. Десятая пошла! – крикнула она, падая с полки. Её подхватила аджика.

Все продукты по очереди выбегали из холодильника, но одного никто не мог найти.

– Ой, а где молоко? – спросил малыш-йогурт.

– Сбежало, – ответил чеснок.

– Так быстро?

– У него просто опыт в этом есть. Ты тоже поторопись, а то протухнешь, как Голландский.

Голландский – это двухсотграммовый кусочек сыра. Он лежал на полке целых шесть месяцев, наверное, хозяйка забыла про него. Так или иначе, сыр уже испортился. Он и стал виновником побега остальных. Вонючий, позеленевший, всеми покинутый продукт прижался к углу. Сейчас Голландскому оставалось только ждать, когда кто-то снова откроет холодильник и вспомнит о нём. Почему сыр был так уверен, что его наконец-то заметят? Кроме него в холодильнике никого не осталось!

Читателю я советую не забывать о продуктах в холодильнике и вовремя их использовать. А то вдруг, откроете, а там никого нет, лишь прокисшая сметана...

Секрет долголетия

– Следующий! – прокричала полноватая женщина за стойкой. С дивана уверенно встал юноша с правильными чертами лица и пепельными пышными волосами и направился в сторону ресепшена.

– Говорите, как желаете умереть? – ядовито спросил сек-

ретарь.

– А какие есть варианты?

– Ну... Можно, как все – от старости. Можно от болезни, например, хронической или приобретённой. Некоторые выбирают самоубийство. Вы что предпочтёте?

– Я хочу во сне.

– То есть в пожилом возрасте?

– Не совсем, после того, как достигну все намеченные цели.

– Хорошо, Ваше желание рассмотрит экспертная комиссия и вынесет вердикт.

– Когда придёт ответ?

– Когда умрёте, тогда и узнаете: одобрили или нет.

– Как они решают, кому «разрешить», а кому «отказать»?

– Смотрят на человека, его поступки, достижения, дела в течение жизни. И вообще, молодой человек, Вы задерживаете очередь. Мне сегодня ещё сотню таких обслужить надо. Не мешайте!

– Хорошо, – парень отправился к выходу. Приоткрыл дверь и – проснулся.

Он лежал в постели, в своей комнате. «Сон?!» – подумал он первым делом.

С момента необычного сновидения прошло много-много лет. Подросток вырос и дожил до глубокой старости, сумев сохранить здравый рассудок. Знакомые всегда задавали мужчине вопрос: «Дедушка, в чём секрет Вашего долголе-

тия?» – а он им отвечал: «Я всю жизнь ставлю перед собой новые цели».

Техасцы на пиратском корабле

«Свободу попугаям! – кричал юный пират, – выбрасывайте белый флаг, и никто не отправится ко дну!». Члены другого корабля будто не услышали или же просто не хотели слышать требования, так или иначе, их судно продолжало двигаться в намеченном направлении. Капитан возбуждённо забегал по палубе, то и дело отдавая указания канонирам. Он видел, что его предложение было явно отклонено и готовился остановить «Рыжего Грея» любой ценой. «Идём на всех парусах!» – приказывал молодой командир рулевому. Малый Стива схватил в руки подозрную трубу и пробурчал: «Разрази меня гром, если не догоним». Спустя несколько секунд «Свирепый Морис» сравнялся с противником. На счастье главного пирата и его команде, погода сегодня стояла солнечная. Спустя мятежную неделю, море наконец-таки успокоилось, теперь запросто можно было разглядеть даже маленького осьминожка, беззаботно плавающего на поверхности Тихого океана. Говоря короче – полный штиль.

«На абордаж!» – радостно прокричал капитан во весь голос. Ответа от пиратов ждать долго не пришлось. Группа разбойников сразу же начала закидывать на борт каракка якоря. Состав «Рыжего Грея» значительно уменьшился. При виде опасных противников, бóльшая часть экипажа начала

прыгать за борт, оставшиеся попрятались в потаённых уголках. «Корабельные крысы!» – оскорбил отступавших Малый Стива. Флибустьеры «Свирепого Мориса» разбежались по разным частям палубы. Кто-то побежал к камбузу, некоторые – искали золотишко, самые опытные и отчаянные опустошили бутылки с ромом. Но наш юный капитан не забывал об истинной цели сцепки с торговым судном. Главная задача – захватить пленников. Не теряя ни минуты, он отправился в отсеки в поисках невольников. Но на лестнице Стиве помешал спуститься Чёрный Голландец – бывший его «коллега», ныне руководящий коммерческими лодками.

– Старый Пройдоха, рад увидеть тебя снова. Думал, ты уже отдал концы. Но сейчас не время для болтовни. Снимись с якоря или увидишь дно океана, – язвительно сказал юный командир.

– Я не подпущу тебя к товару! – ответил Голландец, – Кто и отправится за сундуком Дэйви Джонса, так это будешь ты!

Началась ожесточённая схватка. Она длилась всего пару минут, но потери уже были велики. Малый Стива лишился клочка своих пышных волос, а Чёрный Голландец пожертвовал камзолом. Ещё бы чуть-чуть и дно могли повидать оба. Но борьбу прервал голос, который строгим тоном несколько раз повторил: «Что у вас тут происходит, а?»

Драка резко прекратилась.

– Понимаешь, мам, – жалобно проговорил Малый Стив, точнее Стёпка, – мы, когда убирали, нашли несколько сабель

и решили поиграть в пиратов.

– Что это ещё за игры? У Жени порвана рубашка, клочок твоих волос лежит на полу, на обеих кроватях сооружены шалаши... И почему клетка с попугаями окружена подушками?

– Попугаи – это пленные, которых «Рыжий Грей» перевозит, чтобы продать на чёрном рынке, а я их спасаю.

– Так, – строго заговорила женщина, кидая взгляды на сыновей, – никаких больше пиратов. Займитесь уборкой и оставьте в покое бедных Дюшу и Берта. Чтобы в следующий раз, когда я зайду, всё было чисто, – и с этими словами Анна Алексеевна вышла из комнаты.

Мальчики беспрекословно её послушались. Старший из братьев – Степан – приступил к освобождению невольников, а младший прибирал следы недавней схватки. Женя открыл верхний ящик запылённого шкафа, чтобы спрятать туда сабли и предостеречь обоих от желания продолжить бой. Но неожиданно оттуда выпал пакет со старыми игрушками, и руки ребёнка неосознанно потянулись открыть его.

– Эге-гей, смотри, что нашёл! – и Женька радостно поднял несколько бандан вверх, – да тут и самодельные лошадки-скакалки есть! Стёпа резко выхватил из рук брата одну повязку и деревянного жеребца и через секунду завопил.

– Я, Дикий Билл Хикок, коренной житель Техаса, хозяин этого крапчатого мустанга и покоритель прерий, вызываю тебя на дуэль! Сразись со мной и сравним наши силы, если

ты не слабак!

– Чтобы Буч Кэссиди боялся? Ни за что! Сражаемся!

Оставшуюся часть вечера ковбои успешно дрались, но о том, что было после, можно лишь догадываться.

Ярко-зелёные глаза

Я наводила порядок на чердаке. Уже давным-давно туда не ступала нога человека, проход, как и всё остальное, зарос паутиной, а насекомые при виде меня перебежали из угла в угол. Не было ни одного светильника, даже единственное окно было заколочено досками. Кое-что удавалось увидеть благодаря фонарику. Но он то и дело подводил меня: моментами подмигивал и затухал, видимо, давно пора поменять батарейки.

"Ай", – я ударился обо что-то твёрдое. Направил свет – это был огромный пыльный чемодан, по виду – деревянный, с небольшой кожаной ручкой.

Бац! Неожиданно фонарь перестал работать. Всё-таки поменять батарейки придётся. Темнота. Кромешный мрак. Что делать? Я нащупал руками на полу железную удлинённую вещь. В голову сразу пришла мысль: "Керосиновая лампа". Вынул из кармана коробок спичек и зажёл светильник. Там оставалось еще немного топлива. Теперь всё было отчетливо видно: на стенах чердака висели выцветшие картины, в углу лежал костыль и старые куклы, рядом мостился старый велосипед и пара перчаток. Я вернулся к чемодану. Он,

как и всё здесь находящееся, по возрасту выглядел намного старше меня. Подёргал ручку – открылся. Оттуда вывалились тетрадки, блокноты, кипа писем и прочей макулатуры. Конверты пожелтели от времени, надписи на них размылись, прочитать, кому они были адресованы и от кого, было сложно. Раскрыв одно из них, я смог прочесть содержание:

"Любимая Надечка, голубка моя! Сердце моё замирает от одной мысли, что ты можешь получить моё письмо, что ты и доченька увидите мой почерк, узнаете, что я жив и здоров.

... Я помню, всегда буду помнить, всю жизнь, что расстался с тобой больной в Степанках, где только появилась на свет Машенька. Расстались внезапно, даже не попрощались... Ты была в ужасном положении. Я утешал себя надеждой, что твои страдания – страдания сотен, тысяч женщин, с чьими судьбами так распорядилась война. Война есть война. В прошлом письме ты писала, что вам помогла баба Зина. Как она?

Весь январь мы провели в лесу, в феврале жили в землянках. Я пытался скрываться, как только можно было, но фашистские холуи проведали обо мне. Охотились как за животным. Однако они бессильны. Партизаны неуловимы.

Как Машенька? Как ты сама? Я верю, что вы всё мужественно сможете перенести. Вы с Машенькой постоянно мелькаете перед глазами. Как я хочу вас увидеть! Надечка, люблю тебя, целую! Твой и только твой Вася".

Я открыл ещё один конверт:

"Надюша, солнце моё, получил недавно от вас весточку, рад, что вы живы, здоровы.

Не могу сказать того же. Мы с товарищами стали похожими на мельников – все в пыли. Она на зубах, во рту, на языке. Лето нас не щадит. Зной. Жара. Очень хочется пить. Идём и днём, и ночью. Кругом поля, болота, поля и снова болота. Привалы редки. Нестерпимо болят ступни, водянки. Потихоньку привыкаем. Нас пикировали, бомбили с высоты. Куда идём – не знаем. Бывает, путаемся, и приходится возвращаться. Единственное – знаем, что идём прямо. Прямо к Победе. Постоянно вспоминаю тебя с Машенькой. Как провели именины доченьки? Как ты? Как хозяйство? Крепко-крепко обнимаю. Обещаю, что вернусь. Обязательно ждите!.. "

В самом последнем письме было написано немного:

"Наденька, любимая, спешу поделиться радостью: Победа уже близко. У нас весна в самом разгаре. Позавчера получил вторую правительственную награду. Отдаём последние силы за нашу Родину, за народ и любимую землю! Надеюсь, дома всё благополучно. Ждите моего скорого приезда. Машеньке передавай привет. Целую. Постоянно думаю о вас, о стране и о Победе."

"Бабушка Маша", – я сразу понял, что в письмах говорится об отце моей бабушки, прадеде Василии Петровиче.

Под грудой конвертов я нашел черно-белый портрет. На нём красовался красивый молодой мужчина. На обратной стороне большими буквами было нацарапано: "Васенька.

1941 год. Вспоминаю твои ярко-зеленые глаза".

"Ярко-зелёные... У моей мамы, у меня и у брата. У нас тоже ярко-зелёные глаза..."

Я собрал все письма, аккуратно уложил обратно в чемодан. Затем, закончив с уборкой, уже внизу поставил его в гостиную, а портрет прадеда поставил в рамку. Ярко-зелёные глаза... Теперь я точно знал, что прадедушка Вася жил в каждом из нас. В нас жили его чувства, любовь и воспоминания...

МОЙ ДРУГ...

Мой друг,

Я почти святой.

Посмотри на мой нимб

Из сигарного дыма.

Я пошлю вас всех

На покой,

Я пошлю вас всех

Мимо.

Мой друг,

Я раскраден тобой,

Твоей наготой.

Темнотой твоей обездвижен.

Я смотрел

В потолок,

Лежал
На спине
С ушами полными слёз.
Всё молил и смотрел,
Всё рыдал и лежал
На спине.
Мой друг,
Почему
Своё сердце
Людам дарить без остатка
Так трудно,
Так больно,
Так важно,
Так сладко?..

Две переменные

Они видели небо,
падали в воду,
прыгали в лужи,
лежали под солнцем,
молчали,
скрывали,
но
как прежде
любили.

Снимали кино:
черно-белые фильмы.
Молчали,
надеялись,
искренне верили,
желали,
мечтали,
вечно искали,
всегда убегали.
Они ели друг друга
И спали друг с другом.
Звонили
звонки
через все
позвонки.
– Куда ты?
Куда я?
Изрежем на кусочки
все тех, кто «не за»,
а «против».
Постой!
Подожди,
не бросай,
помолчи...
... и они всё молчали,
что-то скрывали,

вечно искали,
всегда убегали,
но
как прежде
любили
друг друга.